

СОДЕРЖАНИЕ

Капля молока.....	3
Без пилота	31
(НЕ)правда	57
Последний кусок.....	83
Там тоже люди.....	115
Вадим.....	139
Микола.....	167
Элен	191

КАПЛЯ МОЛОКА

I

Деревню заняли ближе к вечеру, когда небо поблекло и светило туманом у края, как это бывает перед затяжным снегопадом. Сопротивления не было. Дома стояли без признаков жизни. Пустые, перекошенные, с обвалившимися крышами, выбитыми рамами и прогнившими заборами. Все здесь будто замерло. Погнутые ворота, перевернутая телега во дворе, обугленные доски сгоревшего сарая. Где-то в глубине еще тянулся дым из щелей покосившейся хаты. Воздух был пропитан гарью, влажным деревом, остывшим пеплом. Пахло выжженной земли и чем-то тяжелым, человеческим, но сразу не разобрать, что это было на самом деле — то ли страх, то ли опустошение. По улицам бродили худые недоверчивые собаки, они держались на расстоянии, слабо скалясь на посторонних.

На краю деревни, ближе к заброшенному колодцу, у костра собрались бойцы, человек семь. Там, где когда-то был огород, теперь только мокрая черная земля, заброшенные грядки с вросшим в них мусором. Вокруг валялись пустые гильзы, сломанные ящики, обугленные доски, старая кукла без головы в грязном сугробе, перевернутый чайник, в котором еще

держалась грязная вода. Все это выглядело как сцена из чужой жизни, будто бойцы случайно попали в чей-то сон, уже давно забытый.

Они сидели как могли: кто на ящике, кто на полене, кто просто на куске полиэтилена, расстеленном поверх грязи. Некоторые молчали, кто-то ковырял землю щепкой. Над костром кипела большая жестяная банка, из которой то и дело вырывался пар. Пахло чем-то простым: тушенкой, морковью, немного пережаренным луком. Кто-то добавил туда макароны из сухого пайка. Есть особенно не хотелось, но звук варки сам по себе был успокаивающим.

Один из бойцов снял берцы и медленно стянул мокрые носки. Они хлюпали, были грязные по щиколотку. Парень выжал их прямо на землю, и теплая вода тут же исчезла в закопченном снегу. Другой боец, щуплый, с короткой стрижкой, достал из нагрудного кармана пачку сигарет, хлопнул по донышку, вытащил одну, закурил. Затянулся глубоко, с шумным вдохом, как будто только так мог окончательно почувствовать, что все закончилось, хоть и ненадолго. Передал сигарету по кругу. Курили молча. Каждый в себя.

Бойцы смотрели друг на друга редко, словно боялись столкнуться взглядами. Никто не спрашивал, как дела. Все знали: день прожит. Еще один. Что будет дальше, никто не знал. И, честно говоря, в этот момент никто не хотел знать.

Просто сидели у огня и молчали. Это было единственное, что они сейчас имели право делать.

— А госпиталь, что за мостом, — вдруг сказал один, не глядя ни на кого, — помните? Где мы раненых грузили. — Все замолчали, только кто-то тихо шевельнулся.

— Помним, — отозвался один. — Там девчонку тянули на веревке. Ногу почти оторвало.

— А того, с прострелом в бок? Он шептал, чтобы его не поворачивали. Все боялся, что внутренности высыпаются.

— Санитары там сами на ногах не держатся. Один говорил, хоть бы капля какая перепала провианта. Говорит, мол, хоть ребенка спасти можно было бы. Не бинтами же кормить. — Все погрузились вновь в тяжелую паузу.

— Да, у них там... у одного только пальцы были открыты. Все остальное бинтами заматано, глаза в небо, ближе к богу. — Огонь вспыхнул. Кто-то пошевелил сучок.

— А мы тут... — Боец оглядел остальных и опустил глаза обратно в землю. — Греемся... — Никто не ответил ему. Все это знали и без него, и лишнее напоминание лишь усиливало покалывания в левом боку.

— Внизу, в крайнем дворе, — начал другой, что все возился с берцем. — У тех стариков, у них, похоже, что-то осталось. Тепло у них, уютно. Даже чем-то пахнет, жизнью... Там, где забор целый, помните?

— И что с того? Каждый свою жизнь сам определяет... — перебили его.

— У них что-то есть?

— Да кто его знает. Может, да. Остаться здесь тоже веская причина нужна.

— Всем хочется остаться. И нам хотелось, но жизнь распорядилась иначе. — Боец посмотрел пустыми глазами на того, кто это сказал, и отвернулся.

Егор сидел чуть в стороне, на обломке пня, обхватив колени и смотря в землю перед собой. Ему не нужно было ничего говорить, он и так все слышал. В груди глухо стучало напряжение, но не от страха, а от чего-то другого. Неясного доселе Егору жжения.

Ночь сгущалась быстро. Кто-то пошел проверять посты. Остальные потянулись к котелку, стуча ложками. Казалось, тишина деревни, такая липкая и вязкая, впиталась в людей. Не было криков, команд, приказов. Только живые бойцы и пустые дома. Только трещащий костер и чувство, что где-то рядом ходит смерть. Но здесь жизнь еще побеждает.

II

Егор шел медленно. На плечах рюкзак, в руках автомат. Он впервые за долгое время шел не на задание, а просто шел. Без спешки, по узкой тропке, вросшей в землю, между поваленных заборов и сломанных калиток. Он уже знал, куда идти. Егор приметил его еще вчера, крайний дом у пригорка.

Дом стоял почти целый, как будто война мимо прошла. Крыша подлатана, дрова аккуратно сложены под навесом, ступеньки подметены. Забор хоть и кривой, но с заботой подправлен. Где-то даже прибит новый штакетник, где-то просто проволокой стянуты доски. Видно было, что здесь еще есть люди и жизнь не оставила эти стены.

У самой калитки Егор остановился. Врываться сразу было неправильно и опасно. Кто знает, какие люди остались в такое время на передовой. Постояв немного, Егор осмелился на первый шаг. Было тихо, как бывает только в тех местах, где долго боятся. Ни лая собаки, ни звука шагов, ничего. Только ветер чуть шевелил щепку на заборе.

Егор разуверился в своих глазах и подумал, что он ошибся. Но потом изнутри донесся

кашель, сухой, с надрывом. Через пару секунд в дверях появился старик. Высокий, сухой как палка, в старом армейском кителе, а сверху накинута какая-то мешковина вроде самодельного плаща. Он смотрел молча, не двигаясь. В глазах его не было ничего, ни страха, ни интереса, просто тишина. Глубокая, как после беды, когда уже не ждешь ни плохого, ни хорошего. Егор подошел чуть ближе и остановился.

— Здравствуйте... — сказал громко, но мягко Егор. — Живете?

— А ты как думаешь? — все так же без эмоций ответил старик.

— Мимо проходил. — Егор начал оправдываться. — Наши тут теперь. Смотрю, дымок из трубы... решил зайти. Не проверка, просто так, я сам...

— «Наши» значит... А кто они, «наши»-то? — Старик взглянул на автомат в его руках. — А с железом зачем? «Просто так» люди без этого ходят.

— По-другому сейчас никак. — Егор чуть опустил оружие. — Без него будто голый.

Они помолчали. Тишина между ними была не враждебной, но осторожной. Они изучали друг друга, стараясь понять, можно ли верить сказанным словам.

— Это ваш двор? — спросил Егор.

— Мой... Был... Сейчас просто держусь. Сыновья ушли. Один совсем недавно ушел. Второй...

Давно ни слуху ни духу. Мы тут с бабкой теперь. Одни... Все уехали из деревни, страшно. Боятся, за жизнь держатся. Она ведь на вес золота, только теперь за нее и гроша ломаного не дадут. Поменялось все, изменилось.

Он поднял на Егора свои серые, как туман, глаза. Тот кивнул, будто понял больше, чем сказал старик.

— Тихо у вас. Даже слишком. — Егор решил увести разговор в другую сторону. Они понимали, что словами делу уже не помочь и говорить об этом, раны раскрывая, нет смысла. Нужно просто дожить до конца, а говорить будут другие.

— Тут всегда так было. — Старик смотрел не на него, а куда-то в сторону, за дом. — Пока вы сюда не пришли.

Он сказал это спокойно, без укора. Просто констатировал. Егор и сам бы не подумал, что он сможет оказаться здесь с мечом. Не как путник, но как воин.

— Только ты не греми, — добавил старик тише. — У нас коза. Бабка пугается, когда двери хлопают.

Егор слегка усмехнулся, скользнув взглядом по окну. Но мыслями он вернулся во вчерашний разговор с другими бойцами, к тому, что они говорили о госпитале.

— Коза — это дело... Сейчас такое — редкость. Особенно здесь. Нечасто можно встретить у простых людей хозяйство.

— Она нас и держит. — Старик перевел взгляд на него. — Пока дает, мы с бабкой и живем. Перестанет, ну... и мы с ней.

— Я Егор, — сказал он после паузы. — Вторая рота. Наши за оврагом стоят, недалеко. Деревню заняли вчера. — Он помолчал, потом чуть смущенно добавил: — Если можно... просто посижу. Немного. Хочется тишины, а у вас она особенная, домашняя.

Старик кивнул на лавку у стены.

— Садись. Баба сейчас выйдет, может, чего и тебе перепадет. Бить гада надо сытым.

Он повернулся к двери, но, перед тем как зайти, добавил через плечо:

— Только козу не пугай. Она у нас теперь за моих сыновей осталась.

На крыльце показалась бабка в потертом ситцевом платье и платке, завязанном тугим узлом под подбородком. Она держала в руках ведро, от которого шел пар. Свежее молоко, которое пахло миром. Из-за ее спины вышла белая коза, медленно прошла по двору и скрылась за сараем.

— Ты чего, солдат? Воды хочешь?

Егор поднялся с лавки. Не спеша, без резких движений.

— Нет, — сказал он спокойно. — Просто посидел немного. Старик сказал, можно.

Они замолчали. Женщина не сводила с него взгляда. Потом кивнула едва заметно, но голос остался настороженным:

— Отдохнуть, значит?

— Да, — все так же спокойно, приветливо ответил Егор. — Просто так. Голова гудит. Не против?

Она снова посмотрела на него. Потом вздохнула понимающе. Ей ли не знать?

— От войны тут не отдохнешь. Все ею пропахло. И воздух, и стены, и мы... Даже животина и та все понимает.

— Верю. — Егор опустил взгляд, согласие было не в словах, а в самой его позе. — У вас все так чисто. Дом держится. Сейчас редко такое увидишь.

Женщина чуть повела плечом. Оглядела свои владения и на мгновение замерла.

— Пока руки целы, чисто будет. Как сляжем с мужем, так все и развалится. Дом за руками живет.

— Не всякий бы остался, — сказал Егор. — Все уходят. Или под пули, или с узлами. Кто куда.

— А мы? — Она посмотрела мимо него, в сторону дороги. — Нам идти некуда. Здесь родились. А умирать... везде можно. Только если выбирать, то лучше среди своих стен. Где знаешь, что земля точно примет тебя.

На ступеньке она поставила ведро. Обернулась к Егору и посмотрела на него теплым взглядом. На него так уже несколько лет не смотрели.

— Хочешь, молока дам? Утреннее. Машка сегодня как следует надоилась.

Егор чуть растерялся, но не стал отказываться. Хотя ради приличия стоило бы, но, как сказал дед, сытым врага бить легче.

— А вы не боитесь... нас угощать?

— Кто боится человека, тот уже и не живет, — ответила она сразу, без раздумий. — Не ты первый пришел и не ты последний. Я смотрю, ты не зверь. Одних годков с моим младшим будешь. Так и ладно.

Она скрылась на секунду в сенях, потом вернулась с кружкой. Толстостенной, эмалированной, с отбитым краем. Налила, протянула.

— Пей. Не для тебя, для себя. Пусть хоть один скажет спасибо, чтобы я не совсем осела в молчании.

Егор взял кружку двумя руками. Теплая, чуть пахнувшая деревом. Сделал глоток. Молоко было густое, сладковатое, почти как из детства. Он задержал дыхание, сглотнул.

— Спасибо, — сказал тихо. Почти шепотом.

Женщина смотрела на него долго, пристально. Потом чуть качнула головой, словно что-то для себя подтвердила.

— Ты из тех, кто молча глядит, — сказала она. — Значит, все слышишь.

Она повернулась, но, перед тем как уйти, остановилась на пороге и добавила:

— Смотри, солдат. Время сейчас такое, что возьмешь, то не вернется. А что не возьмешь, то за тобой пойдет. И не отпустит.

Егор поставил кружку обратно на край ступени. В его взгляде мелькнуло что-то вроде неловкости, но он ничего не сказал. Просто снова сел на лавку, глядя на заснеженную тропинку, что вела куда-то за двор.

Егор ушел не оборачиваясь. За спиной остались дом и старики, неподвижные, как и все вокруг. Он спустился по тропке обратно к дороге, шел медленно, будто нес на плечах не рюкзак, а их взгляды.

III

Егор вышел на улицу в шинели, застегнутой небрежно. Его сапоги оставляли следы в рыхлом инистом снегу. Воздух был чист и хрупок. На деревню опустилась зима, ровная, как тишина после команды «отбой».

Он пошел вдоль изгороди, кивая знакомому бойцу, который махал ему от сарая. Где-то вдалеке гремела гулкая очередь, но здесь, среди этих покосившихся домов, она звучала как эхо чужой жизни.

Ромка сидел, сгорбившись над деревянным ящиком, и медленно растирал замерзшие пальцы, словно пытался разбудить в них хоть каплю тепла. Из рта валил пар.

— Проклятый холод... — пробормотал он, не поднимая головы. — Заснуть-то еще можно. А вот просыпаешься — как будто из-под земли выкапываешься. Тело мертвое, мысли замороженные. Сколько нам так еще жить прикажут?

Ромка сделал глоток из жестяного котелка, крякнул и, помолчав, спросил:

— Слушай, Егор... ты сам-то был в том госпитале?

Егор стоял спиной к нему, грея руки над жестяной с углями. Ответил не сразу. Он там

был. Память не стерла этих ужасных воспоминаний, но Егор все пытался выпутаться из сетей.

— Был. Недели четыре назад. А что? — резко оборвав каждую фразу, ответил Егор.

Ромка нахмурился, прижал котелок к груди, пытаясь согреться.

— Там мой двоюродный брат лежит. Миша. Без ног теперь. Писал мне недавно. Говорит, что воды почти нет, жрут сырой лук, потому что ни пайков, ни перевязки, ни самой жизни. Ходят полутени по коридорам. А он мне: «Если бы мяска али кружку молока, брат... жить было бы легче». — Ромка помолчал, потом добавил с горькой усмешкой: — А у нас вон... гуляют козы. Прямо по двору. Как в другой жизни, как будто и нет войны этой.

Егор только чуть подвинулся ближе к углям. Сказал тихо:

— Я помню. В этом госпитале только и умирать. Каменные стены, как могильные. Там даже дыхание глохнет. И пахнет все... как в подвале, где держали что-то живое, а потом забыли.

Ромка кивнул, глядя в сторону сарая, откуда только что донесся глухой стук и протяжное фырканье.

— А у этих, у стариков... у них коза добрая. Молоко струей, говорят. Теплое, густое, прямо как в детстве. Я бы сам понес им в госпиталь, если б мог. В термос налил бы, завернул в оде-